Вернувшись с встречи выпускников, Бянь Чунлоу сразу же погрузился в череду рабочих будней.

В первую очередь он должен был заняться запросом о гражданской компенсации для У Фан: поскольку виновник скрылся с места происшествия в состоянии алкогольного опьянения, дело автоматически переквалифицировали в уголовное, подлежащее публичному обвинению. Именно поэтому этап судебной экспертизы имел критически важное значение — от него напрямую зависели и срок заключения, и сумма гражданского иска.

Рано утром в первый рабочий день Бянь Чунлоу поручил Фэн Хаочэню отправиться в суд и навести справки, есть ли какие-то результаты по ходатайству стороны защиты об отводе судьи на том основании, что он и Лянь Сунцзе знакомы.

Вскоре Фэн Хаочэнь перезвонил и сообщил, что Лянь Сунцзе в тот же день сам подал заявление об отводе, так что вопрос о наличии какого-либо конфликта интересов между экспертом и судебным представителем отпал сам собой.

Бянь Чунлоу долго держал телефон у уха. Лянь Сунцзе вопреки всему взял самоотвод. Неужели всё потому, что он узнал о чьем это деле, и теперь просто не хочет иметь с ним ничего общего?

Но как бы то ни было, в тот день он высказал Лянь Сунцзе всё, что думает, а тот в ответ взял и первым делом сам заявил самоотвод. И теперь всё стало еще хуже: недоразумение только углубилось, и без того натянутые отношения получили новую порцию трещин.

Он повесил трубку и, приложив руку ко лбу, тяжело вздохнул. Что за день изо дня происходит? Стоило только промелькнуть тому сообщению о каминг-ауте, как их пути с Лянь Сунцзе снова переплелись. Видимо, им и вправду не стоит сходиться близко.

Юридическая фирма, в которой работал Бянь Чунлоу, была основана им в партнерстве с отцом Фэн Хаочэня — Фэн Линьму — и еще одной женщиной-адвокатом по имени Го Синь.

В свое время Фэн Линьму считался одним из наставников Бянь Чунлоу. Он специализировался на внесудебном урегулировании споров и делах о защите интеллектуальной собственности. Когда он уходил из старой конторы, то уговорил Бянь Чунлоу начать всё с чистого листа в новом месте. Третьим партнером выступала Го Синь — женщина-адвокат чуть за тридцать. Вместе с Бянь Чунлоу они вели судебные процессы, а порой занимались и делами о банкротстве предприятий.

Фэн Хаочэнь окончил магистратуру юридического факультета главного юридического вуза страны, сдал квалификационный экзамен, и во время стажировки Фэн Линьму прикрепил его к Бянь Чунлоу в качестве подопечного.

Бянь Чунлоу не стал сходу заваливать новичка кучей бракоразводных процессов, а постепенно вводил его в курс гражданских, коммерческих и уголовных дел, передавая знания практически

без утайки.

Он всегда считал, что заставлять молодых юристов начинать практику с разводов — это просто баг системы. Ведь только что выпустившиеся или пришедшие в профессию специалисты в большинстве своем не женаты, а некоторые даже состоят в рядах убежденных одиночек. И когда на них с ходу обрушиваются дела, намертво пропитанные мощнейшим эмоциональным зарядом и всей мерзостью человеческой натуры, многие ребята просто не вывозят — во всяком случае, не могут справляться с ними легко и непринужденно.

Профессор Чжан Минкай говорил: жизнь закона заключается не в логике, а в опыте. Вот этой самой жизни и не хватало молодым зеленым соплякам. Иные бракоразводные дела порой закручивались настолько драматично, что даже повидавшие виды адвокаты цокали языками от изумления, а их картина мира рушилась вдребезги. Новоиспеченные специалисты не дотягивали до такого уровня ни в профессиональном плане, ни в психологическом, ни в жизненном опыте. Наблюдая за тем, как в процессах о расторжении брака вчерашние самые близкие люди грызутся из-за выгоды до посинения, юнцы легко могли заработать в лучшем случае фобию брака и отношений, а в худшем — полное разочарование в жизни. Именно поэтому он предпочитал начинать обучение Фэн Хаочэня с гражданско-правовых и коммерческих споров.

Вернувшись из суда, Фэн Хаочэнь постучал в дверь кабинета Бянь Чунлоу.

— Учитель, у меня есть одно дело, я бы хотел попросить вас взглянуть на него, — с некоторой заминкой произвел он.

Бянь Чунлоу, который еще мгновение назад размышлял о том, что именно имел в виду Лянь Сунцзе, внезапно оторвался от мыслей и слегка растерялся от слов ученика.

— В чем дело?

— Это дело о разводе моей однокурсницы. Я хочу ей помочь.

Взгляд Фэн Хаочэня выдавал, что всё не так просто, и Бянь Чунлоу намеренно протянул:

— Ты же знаешь, я редко берусь за бракоразводные процессы.

Фэн Хаочэнь прикусил нижнюю губу, отодвинул стул и сел напротив рабочего стола Бянь Чунлоу.

— Эта девушка — моя однокурсница. Вчера вечером она консультировалась со мной по поводу развода. Муж поднимал на нее руку.

— Есть доказательства домашнего насилия? В полицию обращались?

— Обращались. Вчера вечером ее увезли в больницу.

— Ну так разве это сложно? Талон-уведомление из полиции, выписка из дежурной части отдела внутренних дел, медицинская справка или заключение о побоях из больницы. Чего еще я должен тебя учить? Подавайте иск, и всё.

Бянь Чунлоу начал терять терпение. Почему при столь очевидных обстоятельствах Фэн Хаочэнь выглядел таким смущенным?

Он снова внимательно всмотрелся в лицо парня и заметил под его глазами темные круги.

Строгим тоном он спросил:

— Где ты был прошлой ночью?

— Я… я провел ночь с ней в больнице, — сдавленно и подавленно ответил тот.

Бянь Чунлоу относился к Фэн Хаочэню как к собственному ребенку, и вид его подопечного невольно вызывал тревогу:

— В каком статусе ты находился рядом с ней?

Фэн Хаочэнь промолчал.

— Запасной аэродром? Друг? Адвокат? Подумай хорошенько сам. Дело проще простого, а вот твои чувства — вот что сложно. Сегодня ты ведешь себя непрофессионально. Будь ты доверителем в такой ситуации, я бы вряд ли взялся за дело. Трудности в букве закона — это еще не трудности, а вот эмоциональная путаница — хуже некуда. Надеюсь, ты не пострадаешь.

Фэн Хаочэнь опустил голову и даже после этих слов не сдвинулся с места.

— Что? Есть что-то еще на душе? К заседанию по утреннему иску компании о нарушении авторских прав готов?

— Она… она вовсе не собиралась разводиться… Это я…

Хотя Бянь Чунлоу с самого начала чувствовал неладное, услышанное все равно стало для него шоком.

— Ты что, в одиночку разогрелся и рвешься в бой?

Заметив, как у Фэн Хаочэня сошлись брови на переносице, Бянь Чунлоу пришлось умерить свой сарказм:

— Почему она не хочет разводиться?

— Ребенок еще совсем маленький, муж ведет себя жестко, она переживает.

— Если ребенку нет двух лет, жена может забрать его с собой.

— Ему уже пять.

Бянь Чунлоу едва не схватился за сердце и беспомощно посмотрел на Фэн Хаочэня, который сегодня выглядел совсем не так, как обычно:

— Чэнь-эр, как старший скажу тебе всего одну фразу: не лезь в чужую карму.

— Но я…

Бянь Чунлоу поднял руку, прерывая оправдания ученика:

— Какие бы чувства ты к ней ни испытывал, сейчас не время для порывов. В делах о разводе, особенно когда замешано домашнее насилие, ты хоть лопни от злости, но если сам доверитель не подает голос — ты бессилен.

— Я понимаю, но…

— Ладно, ступай поспи, а после обеда поедем в суд.

Разве чувства не важны? Для человека из юридической сферы иметь обостренное чувство справедливости и оставаться живым, сочувствующим человеком — это правильно. Но руководствоваться одними эмоциями — грубейшая ошибка. Для адвоката гораздо привычнее решать противоречия в правовом поле, чем разбираться в хитросплетениях человеческих отношений. К тому же эмоции легко могут заслонить юридические факты и правоотношения, а тонуть в них — хуже всего, просто недопустимо.

http://bllate.org/book/39059/4927708